

18+
ГЕОРГИЙ ПЕТРОВИЧ САВЕЛЬЕВ

Семейные хроники уралмашевца

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

Георгий Петрович Савельев

Семейные хроники

уралмашевца. Третье издание, исправленное и дополненное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63584838

ISBN 9785005198877

Аннотация

Книга представляет интерес для читателей, интересующихся историей Уралмашзавода. Автор проработал 48 лет в конструкторском подразделении отдела главного конструктора общего машиностроения НИИтяжмаша ПО Уралмаш. Часть воспоминаний посвящена родственникам, переселившимся из центральной России в Сибирь в XIX веке. Делается это для того, чтобы родственники, проживающие сейчас в Москве, Екатеринбурге, Алапаевске, Тюмени, Ялуторовске, Заводоуковске, Новосибирске, знали и помнили своих предков.

Содержание

Предисловие	5
Наши переселенцы	12
Фрагменты жизни отца	21
Родословная ветвь Тимофеевых	54
Родословная ветвь моей супруги	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

**Семейные хроники
уралмашевца
Третье издание,
исправленное
и дополненное
Георгий Петрович
Савельев**

© Георгий Петрович Савельев, 2021

ISBN 978-5-0051-9887-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Мои воспоминания, я надеюсь, будут интересны читателям, которые интересуются историей Уралмашзавода и его структурных подразделений. А также моим коллегам-конструкторам в НИИтяжмаше Улмашзавода, с которыми я проработал почти 50 лет в отделе главного конструктора общего машиностроения (ОГК ОМ), а так же моим родственникам. Мои родители отец Савельев Пётр Григорьевич и мама Савельева Анна Трофимовна (девичья фамилия Тимофеева) родом из крестьян, переселившихся из центральной России в Западную Сибирь в конце XIX века.

Мои родители отец Савельев Пётр Григорьевич и мама Савельева Анна Трофимовна (девичья фамилия Тимофеева) родом из крестьян, переселившихся из центральной России в Западную Сибирь.

Что касается переселенцев в Сибирь, то информацию о них я получил в интернете и в книгах русского писателя Телешова Н. Д. за долго до интернета.

Я с любовью относился к своим родителям, памятуя, что на их долю и на долю их поколения, выпали тяжёлые годы коллективизации, индустриализации, тяжёлые и голодные годы войны, восстановления разрушенного народного хозяйства. Вместе с тем они были патриотами, гордились своей страной, им присущ был коллективизм, готовность ставить

общественные интересы выше личных. И не смотря на все тяготы и лишения, они, в подавляющем своём большинстве, сохраняли высокие моральные качества личности.

Последние два предложения можно считать плагиатом, потому что я, с некоторыми изменениями, взял их из книги В. М. Нисковских, когда он рассказывал о своих родителях. Виталий Максимович точно и кратко описал психологию предшествующих поколений.

Своей родословной я начал интересоваться в 25—30 лет. Сожалею, что мало расспрашивал родственников и многого не знаю. Ушли из жизни родители, которые могли сократить эти пробелы.

Из разговора с ними мне известно, что мои предки были, когда то, по всей вероятности, крепостными или государственными крестьянами. Переселение в Сибирь началось за долго до Столыпинской реформы. До отмены крепостного права организовано переселиться в Сибирь могли так называемые государственные крестьяне, а после 1861 года этим могли воспользоваться все остальные землепашцы. Государственными крестьянами одаривали своих фаворитов русские императоры. Русский писатель Н. Д. Телешов в одной из своих книг так передаёт разговор с государственными крестьянами, переселившимися в Сибирь в пятидесятых годах XIX века: «По царскому вызову из нашей волости двинулись в Сибирь 600 душ. Царь нам клал по 12 копеек в сутки, покуда не устроились». Но были и не организованные

переселенцы. Это семьи, бежавшие от помещиков в поисках лучшей доли, и старообрядцы, бежавшие целыми деревнями, после раскола Русской Православной Церкви. Например, село Буньково Упоровского района Тюменской области в 2014 году отметило 300 летие со дня основания. Я был приглашён на это торжественное мероприятие, как выпускник Буньковской школы. Известно, что это поселение основали несколько семей Худышкиных и Ивановых, пришедших откуда-то с запада.

Царское правительство было заинтересовано в переселении крестьян, и этот интерес совпадал с желанием крестьян получить землю в Сибири бесплатно. Правительство Его Величества стимулировало переселенцев, каждый год, увеличивая льготы. Так уже во времена Столыпинской реформы государство выдавало крестьянам:

- путевые ссуды под небольшой процент, а также переселенческим дорожникам;
- беспроцентные ссуды на хозяйственное обзаведение, а также на покупку сельхозтехники и инвентаря;
- безвозмездно снабжало лесными материалами на постройку дома.

На переселенцев был наложен четырёх летний мораторий на воинскую повинность и с них не брали податей 5 лет с момента обоснования и следующие 5 лет брали только половинчатый налог.

А правительство Медведева Д. А. в XXI веке ничего

не может дать людям, пожелавшим переехать на Дальний Восток, кроме дальневосточного гектара, даже переезд туда они должны осуществлять за свой счёт.

Закон о реформе сельского хозяйства был опубликован в 1895 году, он был направлен на преобразование общинного владения землёй на частное владение индивидуальным крестьянином. Для этого был создан крестьянский земельный банк, который скупил миллионы десятин земли и потом, давая кредиты, продавал землю крестьянам в личную собственность. Крестьяне, покупая землю, должны были выезжать из общины, то есть из деревни, на хутора и выруб. Земля помещикам и общинам не продавалась. Альтернативой получения земли в частную собственность, причём бесплатно, было переселение в Сибирь. По закону о реформе мужчинам и малолетним детям мужского пола от рождения полагалось от 8 до 15 десятин земли.

В каждый уезд и волость спускалась квота на переселение крестьян, в которой указывалось количество переселенцев и примерное место поселения. Из нескольких деревень уезда формировалась партия крестьян, высказавших добровольное согласие на переселение. Крестьяне из своего числа выбирали грамотного и авторитетного руководителя, так называемого партийного, для связи с администрацией деревень на пути следования и чиновниками Тобольской губернии, отвечающих за переселение. Как правило, прежде чем отправляться в путь, крестьяне, согласившиеся на пере-

селение, посылали ходоков. До столыпинской реформы крестьяне отправляли ходоков за свой счёт. Ходоки в Тобольске по карте выбирали место поселения. В назначенном месте они встречались с администрацией местной волости и старостами соседних деревень для определения места поселения и площади земель для распахивания. После этого часть ходоков возвращались в свои деревни, а часть оставалась на новом месте, поджидая переселенцев и расчищая землю от деревьев и кустарников. Дальним переселенцам, выбравшим Алтай или Иркутскую губернию, ходоков было посылать не резон, поэтому они, чаще всего, отправлялись в путь без разведки. На Дальний Восток переселенцы отправлялись морем через черноморские порты.

Я излагаю свои воспоминания, исключительно полагаясь на память. Из памяти же многие события стёрлись, поэтому некоторые подробности моих деяний и разговоров утрачены. Мелкие обиды, не удачи, не сбывшиеся мечты остались на задворках моей памяти. Иногда, когда это возможно, я навожу справки, обращаясь к энциклопедическим справочникам и книгам, чтобы описываемые события привязать к хронологии. Особенно это касается времени моей работы на Уралмаше. Назову три книги, которые глубоко, достоверно и правдиво освещают роль «завода заводов» и его конструкторов в создании современных металлургических комплексов и другого уникального оборудования индивидуального изготовления.

«Неизвестный Уралмаш. История и судьбы» авторы и составители Сергей Агеев и Юрий Бриль, 2003 года издания.

«Наш УРАЛМАШ гордость XX века» книга Ю. Н. Кондратова, генерального директора объединения, 2005г. издания.

Книга «Так это было. Воспоминания конструктора», автор В. М. Нисковских, главный конструктор машин непрерывного литья заготовок, 2003г. издания.

Эти книги служат источниками полузабытых событий, свидетелем которых я был. Кстати, последнюю книгу мне подарил автор с дарственным автографом.

В моём изложении могут быть неточности и ошибки, касающиеся привязки событий ко времени их совершения. Опыта литературной деятельности у меня нет. Стилистика моего изложения, скорее всего, не соответствует нормам русского литературного языка. Иногда моё повествование больше похоже на технический отчёт, чем на литературное произведение. Поэтому прошу не судить строго.

На развороте обложки моей книги изображена площадь «Первой пятилетки», в обрамлении прекрасных зданий архитектурного стиля конструктивизма. Судя по лозунгу, запечатлённом в левом нижнем углу фотографии: «Юбилею завода – ударный труд!», до праздника: пятидесятилетия Уралмаша осталось 15 дней. Значит, снимок выполнен 1 июля 1983 года примерно в 7 часов 30 минут утра. Толпа народа спешит на центральную проходную завода к началу утренней

смены. Это при том, что по периметру завода располагались ещё 4 проходных для персонала, 4 проходных для автотранспорта и одна проходная для ж/д транспорта, по которой доставлялся рабочий люд на современном пассажирском поезде из рабочих посёлков, начиная с посёлка Красное.

Наши переселенцы

Со слов отца мне известно, что организованная партия переселенцев прибыла на выбранное место из Калужской губернии Жиздринского уезда. В то время будущему деду моего отца было 7 лет. Переселенцы с помощью ходоков выбрали место между двумя деревнями, в которых проживали старообрядцы. Деревни Верхний Манай и Нижний Манай располагаются на берегу небольшой речушки Манай. Речка Манай впадает в такую же по размерам речку Кизак, притока реки Емуртла, которая в свою очередь является притока реки Тобол. По-современному территориально административному делению обе эти деревни входят в состав Упоровского района Тюменской области. Крестьяне этих деревень поставляли мясо в Русскую Императорскую армию. Мясо поставлялось солёное в бочках. Переселенцы заранее знали куда шли, поэтому среди них было несколько семей потомственных бондарей. Изготовление бочек было хорошим подспорьем для крестьян, пока они строили дома, копали колодцы и распахивали землю.

Писатель Телешов Н. Д. (1867 – 1957 г.) в своей книге «Сибирские переселенцы» очерки и рассказы, переизданной в советское время, так описывал источники финансирования. Переселенцы в родных деревнях продавали свои земельные наделы и строения общине и на вырученные сред-

ства совершали долгое и изнурительное путешествие. Но были и такие переселенцы, которые оставляли свои наделы и строения за недоимки. Они шли искать счастья на новой Родине. Ссуду на обустройство и строительство получали на месте поселения.

Упомянутую книгу я приобрёл в шестидесятых годах в сельповском магазине в деревне бывших переселенцев. Кстати, там же я купил редкие по тем временам книги Есенина, Ахматовой, Евтушенко. К сожалению, книга Телешева у меня не сохранилась. Нет её и в главной библиотеке Екатеринбурга, библиотеке имени В. Г. Белинского. Зато я там обнаружил книгу очерков Телешева Н. Д. «За Урал. Из скитаний по Западной Сибири», изданную в Москве в 1897г. В то время автор посетил Пермь, Кунгур, Невьянск, Нижний Тагил, Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, Тару, Омск, Курган, Челябинск, Златоуст. Писатель передвигался по указанному маршруту на перекладных почтовых лошадях, а часть пути от Тобольска до Омска на пароходе. В то время в Сибири железных дорог не было. Правда от Челябинска до Кургана были проложены рельсы, но официально дорога не была открыта. По ней ходили только грузовые поезда с очень медленной скоростью.

На мой взгляд, книга представляет большой интерес для краеведческих музеев перечисленных городов, так как в ней описаны достопримечательности и даны справки о развитии этих городов. В книге описана стоянка переселенцев чис-

ленностью около двадцати тысяч человек в Тюмени, где она находилась в поле недалеко от причала порта. Переселенцы уже две недели ожидали здесь пароходы, которые должны перевезти их в Омск. Антисанитарные условия и высокая смертность сопровождали тогда крестьян из Курской, Тамбовской, Полтавской губерний. Попы вынуждены были отказаться от длительной процедуры отпевания. Эти переселенцы стремились на Алтай и в Иркутскую губернию. Дорога для них была бесконечной.

Наши переселенцы сравнительно быстро добрались до своего нового места обитания, построили дома и называли деревню Жиздра. Но название почему-то не прижилось. Скорее всего, правительство запретило присваивать новым деревням названия существующих городов и поселений. За обилие малолетних сопливых детей, бегавших по улицам, соседние селяне прозвали деревню Соплёвка. После революции за деревней официально закрепили название Тополёвка, благо вдоль улиц было посажено много тополей.

Попытаюсь определить примерное время прибытия наших переселенцев на основе имеющейся информации. Известно, что будущему деду моего отца Степану было 7 лет в момент прибытия на новое место жительства. Крестьяне в то время женились рано. Предположим, что Степан Петрович женился в 18 лет. В семье Савельева Степана Петровича родились сыновья Григорий, Макар, Прокопий и дочь Устинья. Известно, что старший сын Григорий жил вместе с от-

цом в двухэтажном доме. Они имели ветряную мельницу, маслёну (постройка с прессом для получения масла), в которой методом холодного прессования получали масло из семян конопли или льна, не меньше 6 лошадей, несколько коров и овец. Остальным сыновьям отец к женитьбе построил дома и обустроил хозяйство. Предположим, что старший сын Григорий женился тоже в 18 лет. Ему выбрали невесту из деревни Мосали, что находится в 14 верстах от Тополёвки, Наталью Ивановну (девичью фамилию не знаю) из зажиточной семьи. У них родились два сына Никандр Григорьевич 1912 года рождения и Пётр Григорьевич 1914 года рождения.

В 1914 году началась первая мировая война и Григория Степановича призвали в армию. Надо полагать, что своего второго сына он не видел, так как последний родился в конце ноября. На войне Григорий Степанович погиб в 1915 году. Не трудно подсчитать, что ему в то время было не менее 22 лет: в 19 лет родился Никандр, в 21 года родился Пётр, погиб в следующем году. Значит, он был, вероятно, с 1893 года рождения.

Вернёмся к Степану Петровичу. Мы предположили, что он женился в 18 лет, значит, его первенец Григорий родился, когда отцу было 19 лет. Из 19 лет Степан прожил 7 лет в какой-то деревне Жиздринского уезда. Значит, с момента приезда Степана на новое место жительства, и до рождения Григория, прошло 12 лет, а он, как мы предположили родил-

ся 1893 году.

Наши логичные рассуждения привели нас в 1881 год – время поселения крестьян Калужской губернии Жиздринаского уезда на новой Родине. Надо взять поправку для точности рассуждений плюс-минус один год. Значит поселение появилось в один из следующих годов: 1880, 1881 или в 1882 год.

Дату обоснования староверов в манайских деревнях я не знаю. Но давайте оттолкнёмся от раскола русской православной церкви. Патриарх Никон начал проводить церковную реформу, то есть вводить в богослужебную жизнь каноны греческой православной церкви в 1653 г. и некоторые нововведения даже ранее. Они касались: замены двухперстного знамения на трёхперстное, вместо земных поклонов во время службы необходимо было совершать поясные поклоны, движение во время крестного хода необходимо было совершать против солнца, написание Иисус вместо Исус и другие мелкие, как нам сейчас кажется, не принципиальные изменения. Это касалось так же замены летоисчисления: не от сотворения мира, а от рождества Христова. 1653 год – это по архаическому летоисчислению 7161 год.

Способы, при помощи которых осуществлялись церковные реформы, были жёсткими и насильственными по отношению к верующим, не принявшим нововведения. Священников, проводивших службу в церквях по старым канонам, пытали, если они под пытками не соглашались принять изме-

нения, лишали жизни разными способами, вплоть до сожжения вместе с прихожанами. Простых прихожан, если у них в избе находили старые иконы и старые церковные книги прилюдно пороли и отлучали от церкви. Начался массовый исход крестьян со своими пастырями в основном на север к Белому морю, а часть ушли на восток за Урал. Жёсткие репрессии продолжались до 1716 года. В этом году, спустя 63 года после раскола, власти разрешили старообрядцам жить легально, но они должны были платить двойной налог: один – как все крестьяне, а второй – за веру. (В Тополёвке большинство жителей называли своих соседей не староверами, а двоеданами). В 1905 г. Николай II уравнил старообрядцев в правах со всеми не православными. В 2000 году РПЦ на своём соборе приняла документ, в котором признала вину за содеянное насилие (ложь, клевету, пытки и убийства) перед приверженцами старых обрядов и покаялась.

Время поселения старообрядцев в манайских деревнях оставалось для меня не ясным. Если оттолкнуться от 1653 года, то население деревень, шедшее на восток, останавливалось на зимовку. Весной, как я предполагаю, распахивали землю, садили овощи и сеяли зерно, чтобы заготовить продукты на следующий переход.

В периодической газете Упоровского района «Знамя правды» от 22 июня 2013 года в статье «У истоков первых сёл» сообщается: во второй половине XVII века на территории нынешнего Упоровского района существовало де-

вять населённых пунктов. К сожалению, в этой газете нет перечня указанных поселений. Там же опубликована большая статья о деревне Чистовка, которая исчезла с лица земли. По инициативе Третьякова З. Н. и районной газеты съехались предки жителей этой деревни из Екатеринбурга, Тюмени, Владивостока, Югры, Заводоуковска и окрестных деревень, чтобы увековечить память своей малой родины. (Они установили обелиск). Из архивных справок, собранных З. Н. Третьяковой, собраным была представлена презентация документов. Распланирование будущей деревни у озера Чистое произведено по указу Тобольской казённой палаты от 12 декабря 1868 года. На следующий год сюда прибыли десять семейств, всего мужского пола 29 душ. Чистовка находилась в семи верстах от староверской деревни Верхний Манай. Старые жители утверждали, что поселения старообрядцев уже существовали.

И так, на основании перечисленной информации, можно утверждать, что поселения старообрядцев Нижний Манай и Верхний Манай были основаны раньше 1868 года.

Однако вернёмся к моим предкам из Тополёвки. Мой дед Григорий, если бы не погиб на фронте, был бы раскулачен в советское время, а так эта доля досталась его брату Макару.

Макар вернулся с фронта первой мировой войной, его мучил кровавый понос. Слепая старуха – знахарка начала править ему живот в горячей бане. Ничего не помогало. На четвёртый день она положила его в бане на живот и нача-

ла массировать область поясницы, где расположены почки. Как он рассказывал: мне стало хорошо, и я даже уснул. Дело пошло на поправку. После выздоровления всё хозяйство отца в виде мельницы, маслёны, коней и большая часть скота перешла ему. Вся семья Макара Степановича была трудо-голиками. Мой отец рассказывал, что дядя первым в деревне купил жатку самосброску. Эта машина скашивала стебли, например, ржи, мотовило, состоящее из четырёх крыльев, скошенные стебли сбрасывало пучком на жнивье. Из пучков женщины вязали снопы. Дядя периодически перепрягал пару лошадей, а сам, сидя на металлическом сидении, работал без отдыха до темноты, на ходу пережёвывая кусок хлеба. После этого спешил на маслёну, где шёл процесс холодного отжима масла из семян конопли. В то время конопля была широко распространённой культурой такой же как рож. Семена шли на получение масла, а из стеблей получали волокна для веревок и грубой ткани. Там на мешках засыпал, и с утра спешил снова в поле.

Во время коллективизации его раскулачили. Семьи кулаков из этого района Сибири были направлены на север Урала на строительство железной дороги Надеждинский Завод (теперешний Серов) – Ивдель. В начале шестидесятых годов Макар Степанович поселился под городом Камышлов в посёлке Аксариха. С ним и женой жила его сестра Устинья. Их дети к тому времени обосновались в Новосибирске. С Макаром Степановичем я познакомился в Заводоуковске на по-

хоронах моего дяди Никандра Григорьевича. Из детей деда Макара я знаком был только с Алексеем Макаровичем, который после смерти отца переехал из Новосибирска в Аксари-ху. Я встречался с ним у моих родителей в Тюмени. К сожа-лению, с детьми Алексея я не знаком. И не знаю родственни-ков прадеда Макара, которому я прихожусь внучатым пле-мянником.

Прокопий Степанович, младший сын Степана Петровича, жил в Тополёвке. Я знал его внуков Евгения и Михаила. Ев-гений был бригадиром тракторной бригады, за подъём це-линных земель был награждён Орденом Ленина.

Сам Степан Петрович трагически погиб у себя на мель-нице. Пола зипуна попала в цапфовое зацепление жернова, и его раздавило между жерновом и зубчатым колесом.

Фрагменты жизни отца

Предварительно изложу несколько слов в качестве предисловия. Первый вариант моих воспоминаний я назвал просто «Семейные хроники». Книгу раздал своим родственникам, проживающим в Заводоуковске, Ялutorовске, Тюмени и Екатеринбурге, чтобы знали своих предков. Кто то из них, скорее всего сестра, задала вопрос: почему ты не разу не назвал отца папой? Я отца любил, уважал и хотел походить на него. О н для меня как Отче Наш, по этому – Отец.

Теперь об отце. После гибели на фронте Савельева Григория Степановича его супруга Наталья Ивановна с двумя сыновьями вышла замуж за вдовца Дмитрия Фёдоровича Григорьева, у которого было четверо детей. На притирание новой семьи и привыкание к мачехе, было решено Никандра отдать на воспитание дяде Макару, а младшего Петра отдали на год поводырём к слепым. Слепые дед и бабка имели подводу (лошадь с телегой) и нанимали двух малолетних поводырей. Дед, вероятно, немного видел потому, что (как рассказывал отец) командовал: а сейчас сынок поворачивай направо. Подъезжали к деревне, у околицы распрягали лошадь, и шли по деревне один с дедкой другой с бабкой. Иногда за милостыней детей отправляли одних, инструктируя: копеечку проси. Подаяния в основном было из кусков хлеба, который сушили и мешками продавали крестьянам на корм

скоту. Ближе к зиме Петра вернули в семью и через пару лет отправили в школу, в которой он окончил 5 классов. Позднее, перед поступлением в техникум, он экстерном сдал экзамены за 7 классов.

В семье Дмитрия Фёдоровича в совместном браке с Натальей Ивановной родились ещё два сына Александр и Семён. Понятно, что Пётр рос со своими братьями, старше которых он был всего на 5 – 6 лет.

Александр был призван на срочную службу в Рабоче – Крестьянскую Красную Армию (РККА) в 1939 году. Служил на Камчатке. В 1941 году должен был демобилизоваться, но началась Великая Отечественная война. Отдал службе в Красной Армии 7 лет. В 1945 освобождал острова Курильской Гряды от японских самураев.

Семён Дмитриевич, младший сын из семьи Григорьевых, был призван в РККА 1940 году.

Я помню, как мы весело провожали его в армию в Заводоуковске. Он хотел в морфлот и попал на Краснознамённый Балтийский флот. Сохранилась фотография, которая здесь представлена, на её обороте он написал: «Из Кронштадта от Григорьева С. Д. Петру, Нюсе, Жорику и Гале. Сфотографировался 12 февраля 1941 года». В Кронштадте он был курсантом какой – то школы или училища. На безкозырке читается надпись: учебный отряд кронштадта (из последнего слова угадывается только буква К). Без вести пропал в 1941 году. Скорее всего, при переходе флота из Тал-

лина, Риги и других прибалтийских портов в Ленинград, когда немцы потопили почти половину кораблей советского Балтийского флота. А может погиб при высадке десанта, направленного на пополнение войск Ораниенбаумского пятачка. Теперь в истории обороны Ленинграда его называют Невским пятачком. В конце декабря 2019 года по телевизионному каналу «Звезда» в разделе Легенды Армии прошла программа, посвящённая этому пятачку. Потери Красной Армии, при обороне этого плацдарма и трёх попытках прорыва блокады через него (последняя увенчалась успехом), составили не 60 тысяч человек, как утверждалось в советское время, а 200 тысяч человек. Воистину, наши полководцы не жалели пушечное мясо. Невский пятачок, расположенный на левом берегу Невы, был в длину всего два километра и в глубину от 700 до 1500 м. в разное время. Участник поискового отряда рассказывал, что когда они пришли первый раз на это место после дождя, то всё поле было белым от костей, вымытых дождями. Понятно, что гибель бойцов здесь была массовой, в разгар боёв потери на плацдарме в 1941г. составляли до 1000 красноармейцев и краснофлотцев в сутки. Объясняется это тем, что плацдарм находился в прямой видимости противника, и простреливался немцами с трёх сторон стрелковым оружием, миномётами, артиллерией. Большинство погибших здесь в 1941г. числились без вести пропавшими, так как в тех условиях невозможно было навести чёткий учёт погибших на пятачке или утонувших

в Неве при её форсировании.

Последний вариант предположения о возможной гибели моего дяди я сделал потому, что Наталья Ивановна, мама Семёна, чтобы прояснить судьбу сына, ходила по всяким колдунам, гадалкам и ясновидящим. И однажды заявила: «Ясно видела, что Сёма лежит убитым на берегу реки».

На фото Дмитрий Фёдорович и Наталья Ивановна, родители Александра и Семёна.

В марте 2020 года я послал по почте запрос в Центральный военно – морской архив (г. Гатчина Ленинградская обл.) с его фотографией, на которой он написал, что сфотографировался 12 февраля 1941 года, о розыске данных на Григорьева С. Д.. Уже 3 апреля получил из архива ВМФ справку о службе и судьбе моего дяди. «По документам архива установлено, что Григорьев Семён Дмитриевич, 1921 г. рождения, уроженец д. Тополёвка Омской обл. (так в документах) в 1940 году проходил службу с 13 октября 1940 г. по 29 сентября 1941 г. в частях Балтийского флота: Электромеханическая школа учебного отряда, учебный корабль „Свирь“ и 4 отдельная бригада морской пехоты 5-й батальон. В именном списке безвозвратных потерь младшего начальствующего и рядового состава 4 морской бригады моряков за 1941 г. значится: « ... 1176, Григорьев Семён Дмитриевич, 1921 г.р., член ВЛКСМ, убит в районе М. Дубровка, адрес родственников: Омская обл., Ялutorовский р-н, с. Треуховск, ул. Базарная, д. 1 (так в документе). Первичное место захороне-

ния: Ленинградская обл., Всеволожский р-н, р. п. Московская Дубровка, 85 м. от левого берега реки Нева, братская могила».

Будем считать, что адрес родителей: с. Треуховск – ошибка писаря, т-к в то время каждые сутки погибали до тысячи бойцов. Дом N1 по Базарной улице указан правильно. М. Дубровка находится рядом с Невским пяточком. Вернёмся к повествованию о моём отце.

В деревне Тополёвка малоимущие и бедные семьи организовали в 1929 году коммуны. Позднее коммуна преобразовалась в колхоз. Наша покосная деляна была рядом с колхозной, рассказывал отец. В покосную страду мы троём отчим, мать и я приезжали на свою деляну, строили шалаш и начинали косить траву. Мать отвлекалась от покоса для приготовления еды. Поздно вечером отправлялись спать в свой шалаш. А у соседей играла гармошка, молодёжь пела песни и частушки. У них было весело. В деревне всё свободное время Пётр проводил с колхозными ребятами, своими сверстниками. Однажды отчим говорит: «Ты почто, Петька, садясь за стол, морду не крестишь?». А мать за него отвечает: «Он у нас косомолец». Отчим отдал Петру мерина с упряжью, а также 15 десятин земли и Пётр вступил в колхоз.

Дмитрий Фёдорович ни за что не хотел вступать в колхоз. Старший сын его от первого брака Григорий Дмитриевич во время гражданской войны стал красным командиром и коммунистом. После окончания гражданской войны и, ве-

роятно, после кратких курсов был направлен в формирующийся Упоровский район вторым секретарём райкома ВКП (б). Он помог своему отцу получить паспорт, и они с Натальей Ивановной и двумя сыновьями уехали из деревни в Заводоуковск, который в то время был захудалой железнодорожной станцией на Транссибе.

Григорий Дмитриевич погиб под Москвой в 1941 году, был он, как мне помнится из разговоров моего деда его отца, батальонным комиссаром в стрелковом полку. Родители получили кроме похоронки письмо от командования части с описанием обстоятельств гибели. Мои воспоминания о Григории Дмитриевиче основаны на детских впечатлениях 5 – 7 летнего подростка и разговорах деда не со мной, а с кем-то, свидетелем которых я был. Помню я в пятилетнем возрасте гостил у деда с бабой в Заводоуковске. Отец приехал за мной на конной повозке. Бабушка кормила меня в дорогу кулагой. И мы отправлялись к себе в Буньково. В райцентре Упорово оставались с ночёвкой у дяди Гриши. У них была большая квартира, в которой жили трое: Григорий Дмитриевич, его жена Ульяна Никифоровна и их сын, которого как и меня звали Жора. Он был старше меня лет на десять. В начале марта этого 2020 года я сделал запрос о судьбе Григорьева Г. Д.. Запрос сделал не в центральный архив Министерства обороны, потому что не знал его год рождения, а в военный комиссариат Упоровского района Тюменской области. Мне довольно быстро в начале ап-

реля пришёл ответ, в котором сообщалось, что «в архиве районного военного комиссариата данных о призыве и гибели Григорьева Г. Д. не имеется». Но дальше сообщается, что «на официальном сайте Министерства обороны РФ в разделе „Память народа“ имеется следующая информация на Григорьева Г.Д: – рядовой Григорьев Григорий Дмитриевич, 1903 г.р., место рождения – д. Полёвка (так в документе вместо Тополёвка) В-Манайский с/с Упоровского района Тюменской области, призван Упоровским РВК Тюменской области в июле 1942 г. Пропал без вести – связь прекратилась 25.12.1944г. Жена – Григорьева Ульяна Никифоровна. Отец – Григорьев Дмитрий Фёдорович. (Основание – список без вести пропавших на фронтах ВО войны военнослужащих рядового и сержантского состава по Ялуторовскому району Тюменской области)».

Как видно, мои воспоминания не стыкуются с официальными данными. Если он в гражданскую войну был красным командиром, то почему в Отечественную войну был рядовым? Информацию о дате призыва я подвергаю сомнению. Скорее всего, Григория Дмитриевича призвали в армию сразу после начала войны и начали готовить его для выполнения какой-то специальной миссии. Мне кажется, его готовили в разведку за линией фронта, с базированием в партизанских отрядах. Формированием партизанских отрядов занимались чекисты НКВД. Все сведения об этих разведчиках до сих пор засекречены. О дате призыва Григорьева Г. Д. в нача-

ле 1941г. говорит следующий факт из истории нашей семьи. На моего отца, старшего агронома МТС, в начале войны на-ложили бронь. Бронь сняли в апреле 1942 года и призвали отца в армию. Мы: трое детей и мама переехали на постоян-ное жительство в Заводоуковск к родителям отца: маме На-талье Ивановне и отчиму Дмитрию Фёдоровичу Григорьеву. В это время жена Григория Дмитриевича – Ульяна Никифо-ровна уже постоянно проживала в Заводоуковске. Ей свёкор ещё в 1941 году отделил часть своего дома, сделав отдельный вход и выгородив отдельный двор. Сейчас мне понятно, что похоронка на сына и мужа в конце 1941г. выполняла роль дезинформации, чтобы прекратить переписку. Он в это вре-мя был ещё жив. Об этом говорит ответ Упоровского райво-енкомата на мой запрос. Что касается точной даты: пропал без вести, потому что с ним прекратилась связь 25 декабря 1944 года. Могу предположить, основываясь на информации телевидения (канал Звезда, или Первый канал). На кануне наступления Красной армии на восточную Пруссию (она на-чалась 11 января 1945г.), в декабре 1944г. в логово фаши-стов было заброшено 18 разведывательных групп для опре-деления укрепрайонов. Все они не вышли на связь кроме од-ной группы. Вероятно, были уничтожены во время десанти-рования. Одна группа просуществовала несколько дней, пе-редовая по рации ценную информацию в разведцентр. Связь с ней прекратилась спустя несколько дней. Могу предполо-жить, что в этой группе был мой дядя Григорьев Григорий

Дмитриевич. Я в сентябре 2020г. направил письмо в Центральный архив Министерства Обороны с описанием моих предположений о судьбе Григорьева Г. Д. и просьбой подсказать куда мне обратиться для прояснения судьбы моего дяди. Письмо-отписку прислали, спустя два с половиной месяца, в котором перечисляется документы и инструкции, в соответствии с которыми они отвечают на запросы. Суть ответа: сообщаем только то, что есть в архивах Министерства Обороны. (Вероятно, письмо почти 3 месяца ходило по инстанциям, пока не пришло к высокому начальнику, который приказал: действовать по инструкции).

Однако вернёмся к фрагментам из жизни отца. Правление колхоза в 1931 году отправило Петра и ещё одного парня в город Ишим учиться в сельскохозяйственном техникуме на агронома. Первый год они были зачислены на рабфак. Рабфаковцев в этом учебном заведении не кормили и стипендию не платили. Перебивались редкими случайными заработками: сено привезти с поля, расколоть дрова. Но голод не тётка, ходили по помойкам, собирали картофельную кожуру, обрезки овощей. Его товарищ не выдержал и вернулся домой.

Тимофеева Нюра, моя будущая мама, узнав о бедственном положении Петра (они в Тополёвке считались женихом и невестой), приехала, с благословения родителей, в Ишим, устроилась в столовую посудомойкой и подкармливала рабфаковца. В 1932 году Петр был зачислен в техникум, кото-

рый закончил в 1936 году по специальности агроном – полевод. В 1935 году я родился в Ишиме в семье студента.

После окончания техникума по распределению Пётр Григорьевич был направлен в Буньковскую машину – тракторную станцию (МТС), что находилась в 20 километрах от райцентра (село Упорово), в этом же районе находилась и его родная деревня Тополёвка. Работал с марта 1936 года участковым агрономом, внедряя в колхозах научные методы ведения земледелия. В октябре 1936 г. был призван в ряды РККА. Окончив курсы, стал командиром отделения, механиком водителем танка Т-27 в танковом батальоне стрелкового полка. В октябре 1938 г. был демобилизован и зачислен в запас РККА.

Во время службы в Красной Армии у красноармейца в феврале 1937 года родилась дочь Галина в деревне Тополёвка, куда моя беременная мама переехала из Буньково к своим родителям.

В 1941г, когда началась Великая Отечественная война, на старшего агронома МТС наложили бронь, а в апреле 1942г. бронь сняли, и Пётр Григорьевич был мобилизован в армию. Помню, как отец завёл патефон и под звуки фокстрота Рио Ритца, беря по очереди на руки меня и сестру, танцевал с нами в нашей квартире. На другой день деревня провожала мобилизованных мужиков до околицы. Мне мешал идти деревянный пистолет, который висел у меня сзади на поясе и больно бил по бёдрам. За околицей мужики

сели на три подводы, и под громкий плач женщин, поехали в райцентр.

На следующее утро всех мобилизованных района построили во дворе военкомата и скомандовали: судимые, шаг вперёд шагом марш!

Отец сделал первый шаг. У него в одном из колхозов не взошли, посеянные семена, и по суду из его зарплаты вычитывали 25% в течение шести месяцев.

Затем прозвучала следующая команда: раскулаченные в семье, шаг вперёд шагом марш! В его семье раскулаченных не было, но был раскулачен брат отца. В своё время Савельева Петра исключили из комсомола за то, что он скрыл от комсомольской организации, что у него раскулачен дядя. Отец сделал второй шаг.

Все, кто сделал два шага, как не благонадёжные, попали в трудармию и были направлены в угольные шахты г. Кемерово добывать уголёк.

Всё это я знаю со слов отца. А четыре года назад в школе Нижнего Маная открыли музей, касающийся истории деревень, входящих в Нижне Манайский сельский совет. Мою сестру, проживающую в Тюмени, пригласили на открытие музея. Там директор музея, бывшая учительница, передала сестре копию автобиографии отца, написанную им в июле 1948 г. Учительница нашла этот документ в архиве райцентра. Вероятно, свою биографию отец писал по требованию военкомата, потому что подробно описана служба в армии

до войны, во время войны и после войны. Причём в деле фигурирует черновик со всеми пометками и исправлениями. Хотя, наверное, был и чистовой вариант биографии, который проверяющий выбросил в урну. Так вот из этого документа следует, что трудармия имела имя и фамилию: «Управление военного строительства N7, Забайкальский фронт». Отец проходил там повинность в звании рядового с мая 1942г. по август 1943 г, добывая каменный уголь. В шахтах, по его словам, техника безопасности соблюдалась плохо. Шахтёры там под обрушениями гибли постоянно.

В августе 1943г после выхода постановления Госкомитета по труду и обороне для шахтёров было организовано подсобное хозяйство. Отца вытащили из шахты и назначили агрономом. Выращивали картофель и овощи, из зерновых просо и ячмень на крупу. Хлебом шахтёров снабжало государство.

Во все времена работы в трудармии отец регулярно подавал рапорты о направлении его на фронт: я танкист, прошу направить на фронт. И только в конце 1944г, когда стало не хватать пушечного мяса, его просьбу удовлетворили. После окончания курсов Кемеровского военного пехотного училища ему было присвоено звание младший лейтенант. В феврале 1945г в составе сформированного резервного подразделения пехоты младший лейтенант, назначенный командиром взвода, был направлен в действующую армию.

Когда состав резервистов проходил через станцию Заводоуковск, отец, с разрешения командования, выпрыгнул

на ходу поезда, и произошла неожиданная встреча. Моей обязанностью в то время была покупка хлеба по карточкам на нас и на деда с бабой. Мама будила меня в 4, иногда в 5 часов утра и я шёл в магазин занимать очередь. В восемь часов, когда открывался магазин, первыми без очереди лезли инвалиды на костылях и всякие урки. Когда они заканчивали отовариваться, очередь стабилизировалась и начинала медленно продвигаться. Мне нужно было купить хлеб и в урочное время попасть в школу. Мама знала, что, занимая очередь в пять утра, я мог опоздать в школу. В тот день я вовремя купил хлеб, вернулся домой и попал в объятия отца, который поднял меня на руки. Побывали в гостях у его родителей. Я был свидетелем того, как баба Таля, мама отца, крадучись, зашила в китель отца крестик. Через два дня отец закончил побывку и на перекладных поездах догнал свой состав в Перми. Меня сильно огорчили мои сверстники, они не верили, что мой отец офицер. Какой офицер, говорили они, у офицеров золотые погоны. А у моего младшего лейтенанта были невзрачные матерчатые полевые погоны.

Резервное подразделение пехоты было введено в состав 51 гвардейского стрелкового полка, 18 гвардейской краснотнаменной стрелковой дивизии, третьего Белорусского фронта. Направление боёв – Восточная Пруссия.

Как известно, в Пруссии была создана глубоко эшелонированная оборона с траншеями полного профиля, дотами и дзотами. Отец рассказывал, что передвижение без боёв

было редким явлением, только от одного населённого пункта до другого. В наступлении, как правило, рота залегала под шквальным огнём, а командир роты кричал: «Взводным, поднять подразделения и вперёд». Выбираешь момент, когда пулемётная трасса огня в твоём секторе обстрела только что прошла над тобой, вскакиваешь, бежишь вдоль залегшей шеренги и пинками под зад поднимаешь солдат. По военной статистике прошедшей войны известно, что в наступлении продолжительность жизни командира взвода составляла две недели, он или погибал, или получал ранение. Однако отец остался жив и закончил войну под Кенигсбергом. Его долго оставляли в резерве, предлагая остаться в Пруссии для организации колхозов из переселенцев. В феврале 1946г, наконец, пришёл приказ о его демобилизации, как гражданского специалиста.

Я как-то спросил отца: как ему запомнился день Победы? В день подписания акта о капитуляции 8 мая, нашу роту, рассказывал он, отправили на прочёсывание Куршской косы, на предмет поиска не сдавшихся подразделений Вермахта. По середине косы идёт асфальтированная дорога, иногда то слева, то справа виднеется море. Лес чистый, не видно не опавших сучков, не кустов. Меня с вечера мучило, что-то съел не понравившееся желудку. Надо опорожниться, а присесть негде. Вдруг впереди показался кустарник. Я автомат передал командиру отделения, а сам, на ходу снимая штаны, побежал за кусты. За кустами был карьер по до-

быче песка, а в нём серая масса солдат. Увидев меня, закричали: «славяне, славяне». Это были хорваты в немецкой форме. Начали автоматы сбрасывать в кучу и выходить из карьера. А рота ушла. Хорошо у меня был пистолет, начал стрелять в воздух. Рота вернулась. Так мой отец в этот замечательный день взял в плен полторы сотни вражеских солдат. Вот что говорилось по этому поводу в сообщении: ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО. Оперативная сводка за 8 мая. «В течение 8 мая войска 3 —го БЕЛОРУССКОГО фронта, продолжая бои по очищению от противника косы ФРИШ НЕРУНГ, заняли населённые пункты НОЙЕ, ВЕЛЬТ, ФОГЕЛЬЗАНГ». (Я сохранил пунктуацию газеты КОМСОМАЛЬСКАЯ ПРАВДА от 9 мая 1945 года).

Первым после войны вернулся домой старший брат отца Никандр Григорьевич. Он прошёл войну с начала и до конца. Первые два года возил на полуторке боеприпасы на линию фронта и раненых оттуда в медсанбаты, а за тем пересел на студобеккер, оснащённый мощной по тем временам американской радиостанцией, принадлежавшей службе разведки штаба дивизии. Дядя привёз диковинные вещи: авто-ручку, шариковые ручки, синтетические нитки, которые мы не могли разорвать. В Заводоуковске Н. Г. Савельев построил дом недалеко от автобазы, в которой работал шофёром. У них с тётей Валеё старшая дочь Зина родилась в 1933г, а младшая Светлана после войны в 1947г. Зина после окончания Тюменского торгового техникума по распределению

уехала в город Якутск. Там вышла замуж за Бушуева Анатолия и родила двух дочерей. Постепенно Зина переманила к себе сестру, а после смерти отца и мать. Связь, которую я поддерживал, прервалась, вероятно, после её смерти.

Фотография 1963 года запечатлела встречу отпускников в Заводоуковске. В первом ряду слева и справа дочери Зи-ны, в середине Наташа, моя дочь; во втором ряду в центре отец Пётр Григорьевич, справа тётя Валя – мать Зины, слева сестра матери; в третьем ряду я обнимаю двоюродных сестёр Зину и Галю Григорьеву, дочь брата отца Александра.

Вторым вернулся с Дальнего Востока младший брат отца Александр Дмитриевич. Помню, как родители искали для своего сына невесту. Нашли красивую и работающую сноху Марию в посёлке Завод. В новой семье родились два сына Виктор и Анатолий и дочь Галина.

В феврале 1946г отец вернулся из армии домой в Заводоуковск и после короткого отдыха в марте приступил к работе в Пятковской МТС. Вероятно, место старшего агронома в Буньковской МТС было занято. В мае месяце 1946 г. место освободилось, и мы переехали в село Буньково. Отец там проработал до 1950г. По неизвестным мне причинам его перевели в той же должности в Пятковскую МТС. Думаю, что райком партии знал о надвигающихся переменах в сельском хозяйстве: о роспуске МТС и объединении колхозов. Кандидатура Савельева П. Г. на должность председателя правления колхоза была согласована, в том числе и с ним.

Предлагаю Вам семейную фотографию того периода.

Судя по комсомольскому значку на моём пиджаке, это осень 1949 г. Тогда школьников принимали в комсомол группами во втором полугодии текущего года, кому исполняется 14 лет в сентябре и последующие месяцы. Я стал комсомольцем в сентябре 1949 года. Мы учимся: я – в 7 классе, сестра – в 6 классе, младший брат – во 2 классе Буньковской школы. Нашим родителям по 35 полных лет. Гардероб отца китель и брюки, в которых он вернулся с войны.

Хрущёв Н. С. во второй половине пятидесятых годов распустил МТС, преобразовав некоторые из них в ремонтно – технические станции. Сельскохозяйственную технику трактора, автомобили, комбайны, сеялки и другие агрегаты надо было передать из МТС колхозам, а так как техники на все колхозы не хватало – родилась идея объединения колхозов.

В 1951 году райком партии рекомендовал Савельева П. Г. колхозникам Тополёвского колхоза имени Калинина, и они его избрали председателем правления. Так отец, спустя 20 лет, вернулся в колхоз, который посылал его на учёбу в техникум. Через несколько лет в этот колхоз влились ещё пять колхозов из соседних деревень: Чистовка, В. Манай, Н. Манай, Нихотская и Сосновка. И этот колхоз стал мощным сельхозпредприятием, у которого только пахотной земли было более 5000 гектаров.

На этом посту он проработал почти два десятка лет и кроме выговоров по партийной линии не имел ни одной госу-

дарственной награды, хотя вывел колхоз в миллионеры.

Первый выговор он получил в 1954 году. Колхоз собрал неплохой урожай зерна, рассчитался с государством, перевыполнив план, засыпал в амбары необходимое количество зерна на семена, и правление приняло историческое решение. Впервые с довоенных лет колхозникам на трудодень выдали по 52 копейки живых денег и по 4 килограмма зерна. Район в целом план по хлебосдаче зерна не выполнил. Председателю было предложено сдать ещё половину плана. Он доложил, что зерна нет. Райком объявил ему первый выговор.

Самой большой проблемой в колхозах в те времена была заготовка кормов для скота. Кормов всегда не хватало, поэтому наблюдалось сокращение поголовья во время зимовки, проще говоря, гибель скота.

В описываемый 1959 год скот с большим трудом перезимовал, его выпустили на подножный корм, но поступил приказ райкома молодняк сдать на мясо. Это партийные боссы поддержали почин Рязанского обкома партии сдать государству два плана по поставкам мяса. Председатель объявил, что сдать не может, так как у него карантин по ящуру. От него отстали, но скоро выяснили, что ящура нет и, что Савельев П. Г. обманул райком партии. Ему вкатили строгий выговор с занесением в учётную карточку.

К этому периоду относится семейная фотография 1963 года, когда мы и сестра Галина приехали в Тополёвку

в отпуск к родителям.

Через несколько лет, скорее всего в 1971г, опять начались проблемы в животноводстве. Осень. Скот нагулял вес. Надо его сдавать на мясо, но по какой-то причине мясокомбинаты его с колхозных ферм не принимают. Принимают только с частных подворий. Правление колхоза решило раздать скот, подлежащий сдаче на мясопоставки, колхозникам, чтобы они его сдали как собственный. Эта вынужденная мера объясняется тем, что скот при стойловом содержании поедает корма, заготовленные на зиму. А если кормить его соломой, то он теряет вес. Колхозники сдали общественный скот, и это мероприятие очень скоро стало известно членам райкома партии. Савельева П. Г. исключили из членов партии, и он уехал в соседний район, устроился там управляющим отделения совхоза, в котором пахотной земли было 7000 гектаров.

Колхозники были возмущены несправедливостью райкома. Председатель колхоза пользовался уважением у рядовых крестьян, так как он был бессеребренником. От повышения зарплаты он отказывался, премию по итогам года получал не большую, такую же, как у всех членов правления. В колхоз приходили дефицитные товары: автомобиль Москвич, мотоциклы Урал, холодильники, но от этих товаров председатель отказывался в пользу ударников труда. Единственно, что он позволил себе, это купить мотоцикл ИЖ с коляской. На нём он ездил на покос заготавливать сено для своей коровы и в лес

по грибы. Холодильник был приобретён позже уже в Упорово. Возмущённые колхозники начали писать письма, как личные, так и коллективные в адрес обкома партии и ЦК. Все эти письма оказались на столе первого секретаря обкома партии Щербины Б. Е. Он спросил, а что лично Савельев имел от этой операции? Ему доложили, что была создана комиссия от райкома партии с участием следователей прокуратуры. Комиссия противоправных деяний Савельева Г. П. не обнаружила. Обком рекомендовал восстановить Савельева Г. П. в партии. Второй секретарь райкома приехал к отцу в соседний район и стал его уговаривать, чтобы он вернулся: «Возвращайся, Пётр Григорьевич, мы тебя восстановим в партии». Он вернулся, но работать председателем колхоза отказался. Переехал на постоянное место жительства в Упорово и устроился мелким клерком в Райсельхозуправлении.

Помню, как мы отмечали шестидесятилетний юбилей отца в 1974г. Его сначала чествовали в администрации района с организацией небольшого банкета. На другой день застолье продолжалось в доме отца. Приехали колхозники из Тополёвки, в основном родственники, и были приглашены соседи. Мы с женой опоздали на торжество, так как я заранее билеты на поезд не купил. А в день отъезда вокзал был переполнен демобилизованными солдатами, отслужившими свой срок. Мы добрались до Упорово, когда застолье в доме было в разгаре.

В Упорово состоялось ещё одно важное событие за три

года до юбилея отца. Младший брат Анатолий, отъявленный холостяк, узаконил брак с жительницей Тюмени Савовой Галиной Григорьевной. Делалось это под бдительным руководством мамы. Это она несколько месяцев назад привела Анатолия под конвоем отца в местный ЗАГС, где Анатолий и Галля оформили заявление. На фото запечатлён момент: молодые после оформления брака в ЗАГСе стоят в окружении родственников, как со стороны невесты, так и жениха.

У них в 1974 г. родился сын Вячеслав Анатольевич, который в браке с Дианой Савельевой подарил в 2000 г. родителям внучку Полину. Полина учится в колледже при Тюменском индустриальном университете.

В Упорово отец сначала купил большой недостроенный дом, привёл его в порядок. Этот период был самым счастливым в нашей жизни. Все были живы и здоровы, наши дочери, да и мы с удовольствием отдыхали летом у родителей, купались в Тоболе, общались с соседями. В соседнем доме жила семейная пара учителей средней школы Шапошниковы Михаил Демьянович и Лилия Петровна. У них двое детей. Дочь Лена живёт в Тюмени, а сын Гриша в Екатеринбурге, работает в администрации Чкаловского района. Мы до сих пор поддерживаем с их родителями хорошие отношения.

На фотографии 1972 года запечатлены родители, я, мои дети и сестра с мужем.

Мужа зовут Леонард Дмитриевич Степурко. У них в браке родился сын Сергей, который большую часть времени про-

живает сейчас во Львове, имея гражданство России, вместе с женой и дочерью. Жена Наталия Владимировна Степурко русская, гражданка Украины. Дочь Дарья Сергеевна учится во Львовском университете на факультете мировой информатики.

К сожалению, первый дом родителей в Упорово оказался большим для троих: родителей и бабы Доры, маминой матери. Его продали и купили приличный дом на окраине Упорово в километре от реки Тобол. Каждую весну в половодье дом затапливало, и это было головной болью.

Спустя несколько лет, новый председатель колхоза, молодой человек, окончивший сельхозинститут, коренной житель Н. Маная, предложил отцу вернуться в колхоз и возглавить партийно-общественную организацию: группу Народного Контроля. Отец согласился и переехал в Тополёвку. Я думаю, что он с радостью окунулся в колхозную жизнь. Прошло всего 4 года, как он покинул эту деревню. Все его помнили и с уважением относились к нему.

Как рассказывал отец моей сестре Галине, народный контроль быстро обнаружил массовые приписки в отчётах колхоза в райсельхозуправление. Например, засеяли 100 гектаров многолетних трав, а в отчёте указывают 150 га. Это так они выполняли планируемые показатели. План в колхозы спускался по всем видам деятельности, вплоть до количества навоза, вывозимого на поля в качестве удобрения. Вспомнилась популярная джазовая мелодия молодости в советской

интерпретации:

О Жан Луи, передовой колхоз.

Он первым вывез на поля навоз.

В своё время, сознавался отец, я тоже давал недостоверную информацию в отчётах. Например, засеяли 500 га пшеницы, а в отчёте указывал 450 га. С этих 50 га пшеница дополнительно шла на прибавку к оплате трудодней. Об обнаруженных несоответствиях сообщил райкому партии, а там сказали: «Пётр Григорьевич, мы об этих приписках знаем, напишите об этом в обком». После этого отец подал заявление о снятии его с должности председателя группы народного контроля.

Снежной зимой в начале 1982г. случилась трагедия. Отец на колхозном автобусе поехал в райцентр для посещения стоматолога. На обратном пути, не доехав 10 километров до деревни, автобус заглох. Пассажиры в подавляющем большинстве остались в автобусе дожидаться помощи, а отец и ещё один мужчина пошли пешком. Обратили внимание, что их догоняет УАЗик председателя колхоза и разошлись в разные стороны от дороги. Дорога была узкой, двум машинам не разъехаться. Для этого примерно через 500 – 600 метров делались карманы для разъезда, постепенно дорогу расширяли до двух полос. Спутники забрались на сугробы и стали ждать в надежде, что машина остановится. Когда заметили, что УАЗик не сбавляет скорости и не намерен останавливаться, отец махнул хозяйственной сумкой с покупками,

и она вытянула его с откоса сугроба прямо под колёса машины. В результате ему раздробило бедренную кость левой ноги. На следующее утро его отвезли в районную больницу. Через несколько дней меня вызвали в Упорово. Там уже находились мама, брат и сестра. Отец кричал от боли не переставая. Хирург провёл нас к пострадавшему. Нога больного была подвешена через блок с помощью контргруза. Врач обратил наше внимание на красные пятна, покрывающие кожу ноги, это является симптомом наступающей гангрены. Необходима срочная ампутация. Мы с его доводами согласились. В тот же вечер травмированную ногу удалили. Начался длительный процесс реабилитации. Он с большим трудом перемещался на костылях. Через два года в Тюмени ему сделали внешне красивый протез, к которому он так и не привык, хотя часто надевал его.

В деревне инвалиду жить стало нелегко. До трагедии семейной обязанностью отца была доставка воды из колодца и дров из поленницы, расположенной во дворе. Всё это легло на плечи больной мамы. Отправление естественных надобностей для инвалида стало тоже большой проблемой.

Летом я приехал в отпуск к родителям, увидел всю эту неустроенную бытовуху и поехал в Упорово для встречи с секретарём райкома. Он хорошо знал отца и всю историю, случившуюся с ним. Выслушав меня, позвонил секретарю райкома комсомола и сказал, чтобы тот организовал шефство комсомольцев колхоза над семьёй инвалида. Молодые

комсомольцы стали помогать родителям, но энтузиазм сравнительно быстро иссяк. Стало ясно, что родителям надо переезжать в город в благоустроенное жильё. У нас с братом были двухкомнатные квартиры, а у сестры однокомнатная, в которой она проживала с сыном. Родители выбрали вариант проживания с дочерью. Как говорится, в тесноте да не в обиде. Отец переехал к дочери в конце 1983г, а мама присоединилась к ним через полгода в 1984г, распродав в деревне своё хозяйство.

В очередной свой отпуск я приехал в Тюмень с вариантом письма в обком партии, в котором описывал заслуги отца перед Родиной и партией, тяжёлые жилищные условия инвалида и просьбу о выделении ему квартиры в Тюмени. Мы с сестрой письмо откорректировали. Она отнесла его в обком, а потом следила за его прохождением по бюрократическим кабинетам. В конце концов, письмо попало к партийному функционеру (к сожалению, не знаю его фамилию), с которым отец когда-то учился на курсах повышения квалификации в сельхозинституте. Функционер связался с райкомом, и первый секретарь прислал хорошую характеристику на Савельева П. Г. В 1985г., к сорокалетию Победы, совсем неожиданно отец получил ордер на трёхкомнатную квартиру на втором этаже в новом микрорайоне города. В первый год проживания под окнами дома колосилось поле пшеницы, и агроном с балкона квартиры мог наблюдать за этапами созревания и уборки зерна. Уже через год всё это поле было

застроено.

Вот так в советское время решались жилищные проблемы ветеранов войны, рядовых членов партии.

Через три года отец скончался в городской больнице. Ему сделали операцию на прямой кишке. Это не была онкология. В день выписки, при утреннем обходе заведующего отделением со свитой врачей, отец сел на кровати, спустив ногу и культю, и упал. Оборвался послеоперационный тромб.

Мама ушла из жизни спустя почти три года от сердечной недостаточности. Она была верным спутником и помощником отца. От природы была скромным и тактичным человеком, хотя и была малограмотной. Я помню, как она постигала ликбез. В возрасте чуть больше четырёх лет вечером я ожидал маму из школы, она приходила и показывала мне свои тетрадки. Нравились тетради по арифметике, там цифры спускались лесенками, как сейчас понимаю, при решении примеров по сложению, вычитанию, умножению и делению. Тетради по русскому языку были не интересны – монотонные строчки букв.

Родословная ветвь Тимофеевых

К сожалению, у меня нет полных сведений о моих предках со стороны мамы, хотя так же, как и со стороны отца. Мы знаем своих прадедов, а сведений о их родителях, пришедших в Сибирь, не имеем. Моя глубина познаний родословной всего три колена.

Мама родилась в семье Тимофеевых. Отец Трофим Ефремович родился в семье потомственного бондаря, мастера на все руки. Мать Федора Александровна родилась в бедной многодетной семье, с семи лет в людях. В семье Тимофеевых родились и выжили дети: Антон, Анна, Степан, Илья, Мария и Пётр.

У Антона в первом браке родились сын Анатолий и дочь Валентина. С Вале́й я не был близко знаком, а с Анатоли́ем Антоновичем поддерживаем хорошие отношения. После срочной службы в Советской Армии он работал механиком в леспромхозе и был повторно призван в ряды СА по партийному набору. После окончания училища стал политработником. Служил в войсках ПВО. Его сын Валерий пошёл по стопам отца. Стал военным и тоже служил в войсках ПВО. Службу закончил в Норильске во время развала Советского Союза и его армии. Сейчас проживает в Новосибирске, где живёт и его отец.

Степан участник Отечественной войны, капитан артилле-

рии, был тяжело ранен в голову в последний месяц войны в Берлине. Его выписали из Свердловского госпиталя только летом 1947 года. Когда он гостил у нас, дядя Стёпа предлагал мне обследовать его голову. Я отказывался, тогда он брал мою руку и вёл по черепу, часть которого отсутствовала. Кожа с волосами прикрывала рану. Он женился, но детей не было. Скончался в 1950 году – последствие тяжёлого ранения.

Илья и Мария были инвалидами. У них начали атрофироваться мышцы ног в возрасте 12 – 15 лет. С возрастом процесс усиливался и приводил к обездвиживанию. Мария Трофимовна считала, что болезнь наступила из-за жабрея. Это сорная трава, семена которой в голодные годы использовали для еды. Илья, не смотря на инвалидность, женился и у него родился сын Анатолий Ильич Ильин, который сейчас проживает в Тюмени. Он, как и все мы, пенсионер. Работал машинистом электровоза. Женат. Жена Вера Александровна – врач онколог. У них родился сын Григорий, который окончил университет, работает на заводе Газпрома, который занимается производством электродов, в том числе для сварки.

Пётр попал в тюрьму за то, что выносил в карманах с колхозного тока зерно. Отсидел, и, вернувшись, домой, женился на женщине из другой деревни, куда и переехал жить. У них родились два сына Виктор и Иван, с одним из которых, моя сестра поддерживала отношения. Пётр умер от туберкулёза

в начале семидесятых годов, заразившись в лагере заключённых.

Отец этого большого семейства, Трофим Ефремович, в самом начале войны попал в трудармию на лесоповал. Не знаю, какие грехи перед советской властью за ним числились. Начинаю предполагать. Может, участвовал в Ишимском крестьянском восстании? Скорее всего, возраст без пяти минут 50 лет был причиной. В этом возрасте, даже в войну, на фронт не брали. А военкомату надо было выполнять план по поставке кадров в трудармию. В 1943г его опухшего и больного отпустили умирать домой. Он несколько дней прожил с нами в Заводоуковске, в основном лежал на русской печке, пока не появилась оказия – подвода из Тополёвки. Через несколько месяцев он скончался.

Хочется поделиться воспоминаниями о его отце, моём прадеде Ефреме Лукьяновиче. Я с ним познакомился в 1952г, когда первый раз приехал в Тополёвку на каникулы к родителям. Он жил в доме вместе со снохой Федорой, маминой матерью. Большой двор этого дома был ограничен двумя амбарами, навесом между ними, баней, которая кроме основного своего назначения, была предназначена для распаривания заготовок перед гибкой, стайкой и пригоном для скота. Весь двор был завален его поделками: загнутыми заготовками полозьев для саней, дугами для конской упряжи, деревянными вилами и граблями, разновеликими бочками и туесами, колёсами для телег со спицами, но без об-

ручей на ободах, которые являлись дефицитом и поэтому валялись во дворе. По спецзаказу изготовлял из веток ивы короба и ходки, которые устанавливались на повозки. Мой отец, будучи председателем колхоза, ездил на таком двух колёсном ходке, предназначенном для перевозки двух пассажиров. Дед массово изготовлял бочки. Я, когда был у него во дворе, всегда поражался тому, как он натягивает обруч на бочку. У него сильно тряслись руки, сейчас это называется болезнью Альцгеймера. Деревянную ложку, когда он хлебал суп, поддерживал за дно второй рукой. Так вот молоток, который при взмахе сильно колебался в его руке, всегда попадал в металлический стержень, опирающийся на обруч. Это было удивительно.

В октябре 1954 года, имея на руках повестку на службу в Советскую Армию, я приехал проститься с родителями, так как предстояла длительная четырёхлетняя служба в Советской авиации. Через год Верховный Совет сократил службу в авиации до трёх лет. В день моих проводов, отец пригласил только одного деда Ефрема, и мы вчетвером посидели за торжественным столом. Через год деда Ефрема не стало. Его жена, моя прабабушка, баба Дуся ушла из жизни гораздо раньше его, вероятно, в 1944 или в 1945 году.

Описывая свои провода, вспомнил, как годом раньше я стал свидетелем традиционных проводов новобранцев в деревне Тополёвка. Накануне отъезда новобранцы с гармошкой и друзьями гоняют по деревне на тройке с бубенцами,

распевая песни и частушки, и распивая тож. Через маму меня пригласили на проводы Степана Ильина. Я днём был у него в доме. Бедная, убогая обстановка. На окнах отсутствуют занавески, столы на кухне и в комнате без скатерти, на единственной кровати лежат шуба и тулуп, заменяя простынь и одеяло. И такая ситуация почти в каждом доме. Недавно прошли голодные послевоенные годы, полное безденежье в семье и символическая оплата трудодней в колхозе привели к обнищанию и убожеству. Забегая вперёд, надо сказать, что Степан в конце шестидесятих годов построил большой круглый дом, женился, в ограде у него я видел мотоцикл Урал, в общем, дом стал как полная чаша. Провожая меня на проводы, мама положила мне в карман 50 рублей. Зачем это, спросил я. Там увидишь, ответила она. В доме новобранца родственники и гости сидели за двумя сдвинутыми столами. По кругу пошёл гранёный стакан, каждому участнику трапезы мать новобранца наливала в стакан брагу из чайника. Брага была вкусная и хмельная. Скоро молодёжь развеселилась и вышла во двор, появилась гармошка, стали плясать и петь частушки. Меня позвали в дом. За столом сидели: виновник торжества, его три дяди, мать, (отец, наверное, погиб на фронте) и ещё кто-то, всего человек семь – восемь. Появилась бутылка водки и две рюмки. Степан наливал в рюмку водку и передавал каждому по очереди, начав с дяди. Первый дядя в свою пустую рюмку положил, приготовленную банкноту и с пожеланием успешной службы пе-

редал Степану. Тот деньги клал себе в карман, а тостующий выпивал водку. И так по кругу со всеми сидящими за столом. Все клали в рюмку кто 30, кто 50 рублей, а дядя, брат отца, положил 100 рублей. Веселье во дворе продолжалось, туда выставили стол, на котором красовались стакан, чайник с брагой и какая-то закуска. Ближе к вечеру веселье закончилось. Толпа провожающих вышла на улицу. Во главе колонны двое дядей, сцепив свои руки в сидение, посадили на них племянника – новобранца и понесли на руках через всю деревню. Вот такое было уважительное отношение к службе в Советской Армии. На окраине деревни его ожидал мотоцикл, на котором он поехал в райвоенкомат. А может быть, эта традиция начиналась ещё с Русской Императорской армии? Наверяд...

Родословная ветвь моей супруги

Моя супруга Елена Алексеевна Савельева родилась в семье Шукиных: отец Шукин Алексей Матвеевич, мать Шукина Серафима Михайловна (в девичьи фамилия Ямова). Всего в семье было три дочери, родившихся с интервалом 8 лет. Старшая Валерия родилась в 1921 году от первого брака Серафимы Михайловны, средняя дочь Инна родилась в 1929 году и младшая Елена родилась 12 марта 1937 года. На фотографии Серафима Михайловна в кругу своих дочерей: Валерия Леонидовна, Инна Алексеевна, младшая Лена и муж Валерии Смирнов Леонид Николаевич.

Старшая дочь Валерия была удочерена отчимом в 1923 году, но после его ареста и осуждения в 1937 году, как врага народа, сменила метрики на Гуревич Валерию Леонидовну. Это необходимо было сделать, так как после окончания десятого класса, она собиралась поступать в институт. Дочери врага народа дорога туда была закрыта.

Валерия поступила в Ленинградский педагогический институт имени Герцена, окончание учёбы в котором пришлось на блокаду Ленинграда немецкими войсками. Её истощённую, практически дистрофика, привезли в Алапаевск в 1944 году после полной деблокады города Ленина. Достаточно сказать, что её в возрасте 23 лет, как ребёнка несли на руках. Дождавшись выздоровления, поступила в ас-

пирантуру Уральского госуниверситета, окончить которую помешало замужество. Валерия вышла замуж за Смирнова Леонида Николаевича, художника, участника второй мировой войны. Его воинское подразделение дислоцировалось в Монголии, а после объявления войны Японии, участвовало в разгроме Квантунской армии. В семье Смирновых родилась музыкально – одарённая дочь Ирина, которая окончила Свердловскую консерваторию. До настоящего времени преподаёт в Екатеринбургском педагогическом университете. В браке с Голендухиным Алексеем родила дочь Марию.

Инна Алексеевна окончила медучилище, бог одарил её красотой. От женихов не было отбоя. Наиболее настойчивым оказался Юрий Александрович Воробей, студент Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта, проживавший ранее в Алапаевске. Сыграли свадьбу в Алапаевске. После окончания Юрием института, молодая семья переехала в город Ленинград. Юрий практически всё время работал на строительстве Ленинградского метро, не считая трёхгодичной командировки в Афганистан для строительства тоннеля. Тоннель предназначался для подачи воды через горный хребет в пуштунскую степь, которую намеревались сделать оазисом. В семье родились сын Дмитрий и дочь Ольга. Дмитрий род не продолжил. У Ольги в браке с Орловым Александром Николаевичем родилась дочь Маша, которая подарила родителям внучку Лизу. Моя благоверная Елена окончила семилетнюю музыкальную школу,

а также то же учебное заведение, что и я Алапаевский горно-обогатительный техникум. В шестидесятых годах окончила заочное отделение Свердловского культпросвет училища, дирижёрско – хоровое отделение. У нас в браке родились дочери Наталья и Анна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.